

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://solzhenitsynaalexander.ru/> приятного чтения!

На изломах. Александр Исаевич Солженицын

Двучастный рассказ

1

Кто в тот год не голодал? Хоть отец и был начальник цеха, но не брал ничего никогда сверх, и никого к тому не допускал. А в семье – мать, бабушка, сестра, и Димка на 17-м году – есть-то как хочется!! Днём у станка, ночью с товарищем с лодки рыбу ловили.

А цех у отца какой? – снаряды для "катюш". На харьковском Серпе-Молоте доработались – прервать нельзя! – до того, что город уже горел, чуть к немцам не попали, уезжали под бомбёжкой – и закинулись до Волги.

Война? как будто катилась она к концу, фронты уходили – но что там дальше будет? А ещё смяк – и призыв. И уже узнав складность своего характера и ума – на весну этого, 44-го, сдал Дмитрий экстерном сверх 9-го и за 10-й класс, да "с отличием". И с сентября можно ринуться в институт. А куда? Добились с другом до такой справочной брошюры: "ВУЗы Москвы". Ох, много названий, ещё больше – факультетов, отделений, специальностей, – а что за ними скрывается? чёрт не разберет. И – как бы решали? и – как бы решились? – но в Энергетическом, шоссе Энтузиастов, прочли: "трёхразовое питание"! И это всё перевесило. (А по себе сам намечал: юридический? исторический?) Ну, такая в ногах легкость – покатили!

И – приняли. Общежитие в Лефортове. Только трёхразовое – как считалось? Щи – это уже раз, уполовник пюре из гниловатой картошки – это уже два... А хлеба – 550 плохого. Значит: днём учишься, уж там как, вечерами-ночами грузчиками. Заплатят папиросами – иди на рынок, меняй "дукат" на картошку. (Ну, отец помогал.)

А год двадцать шестой – уже весь заметали в армию. А год Двадцать седьмой – качался, туда ли, сюда. Но – удержался. Да кончилась война, оттого.

Война и кончилась – она и не кончилась. Объявил Сталин: теперь восстанавливать! И пошла жизнь по тем же военным рельсам, только без похоронок, а: и год, и два, и три – восстанавливать! значит – и работать, и жить, и питаться, как если бы война продолжалась. Уже был на 4-м курсе, отложил себе 400 рублей – новые брюки купить, а тут – громыхнул слух: будет реформа! И – кинулись люди в сберкассы, сразу две очереди, одни сдают, другие берут, не угадаешь, как надо. И Митя Емцов – не угадал, прогорели и брюки. Но сразу и выигрыш: ни стипендии, ни зарплат не разделили на 10, и карточек – больше нет. И на январскую стипендию накупали ржаного хлеба – в обжор, да ещё и чай с сахаром. А директор их института – была солидная, властная женщина, жена Маленкова, нахлопотала ещё и повышенных стипендий, получил и Емцов. Так он – креп.

Да креп не только от питания, и не только в учёбе. (Отбирали на атомную энергетику и на автоматику-управление авиационные – выбрал второе, ещё долго не догадываясь, что иначе бы заперся на годы и годы как в тюрьме.) Креп он и на общественной, комсомольской работе.

Это приходит незаметно и не по замыслу: чего мы стоим – мы узнаём только с годами и по тому, как окружающие воспринимают нас ("нерядовой"). Все замечают, что ты по природе динамичен, что ты подаёшь самые быстрые предложения, как с чем быть коллективу; что твои мнения одерживают верх над другими. Так – садись в президиум собрания! Сделаешь доклад? Отчего бы нет? И слова в речи легко сцепливаются. Кого там поддержать, кого разоблачать? И ребята аплодируют. И за тебя голосуют. И так это гладко, само из себя: комсомольский вожак; с 3-го курса – секретарь факультетский; с 5-го заместитель общеинститутского. (Но для этого уже надо быть кандидатом партии. Однако распоряжение ЦК: с 48-го года прекратить приём в партию – то есть за войну слишком много напринали. А вот – "в виде исключения принять товарища Емцова"? На партийном собрании сидят же и фронтовики, зароптали: почему – его? почему – исключение (для щенка)? Зал – против. Но встаёт директорша, представительная, уверенная – да чья жена? кто этого не знает? и веско опускает в зал: "На то – есть соображения." И – всё. Проголосовали и фронтовики.)

А вскоре – ты ещё не кончил института, уж никакого тебе "распределения" – взяли в московский горком комсомола – замзавотделом студенческой молодёжи. (А что там в институте осталось доезживать – зачем на трамвае? позвонил в горком – и едешь на "победе"; вызываешь второй раз – и из института, уже на квартиру, не в общежитие, опять на "победе".)

Да, взветрили тебя пыхом-духом – но перед ребятами нисколько не стеснительно, потому что в том нет никакой кривины: ты ничего не добивался, не хитрил, а вот – вынесло, само. И ещё в том, что комсомольское дело честное, верное, даже священное! (Первый раз вошёл в горком комсомола – ну, как верующий в церковь, с замираньем.) И что это – бьющая живая струя нашей ослепительной общей жизни: после такой всемирной победы – и как вливаются в страну восстановительные токи! и как гремят отовсюду успехи грандиозных строек! и ты – этого часть, и направляешь своё студенческое поколение туда, в эти замыслы и в эти свершения.

И с гордостью написал отцу (тот и остался так, на своём цехе, и на Волге, уже в Харьков не возвращали их). Отец может взвесить, что значит выбиться своими силами. Сам сын кузнеца – а поднялся в инженеры. И жену взял из полтавской дворянской семьи, искавшей защитного крыла в ранние Двадцатые. (А потом сильно сердился, когда та с матерью разговаривала по-французски.) В 1935 он перенёс злополучие ареста по клевете (семью сейчас же стеснили, шредеровский рояль стал в подвале на боку) – но через полгода оправдали, – и дивность этого освобождения ещё больше укрепила пролетарскую веру отца в добротность нашего строя, его отродную преданность ленинскому пути.

Да только, вот, в горкоме комсомола что-то стало меняться? Не все тут благоговели, войдя. А у кого и в идейном горении сказывалась недохватка наигранность проступает, не спрячешь. Да и правда, своим интересам чуть отдайся – утягивают с силой. А кто-то кого-то подсиживает, занять пост повыше. Вдруг – второго секретаря горкома застали в кабинете на диване с секретаршей. Ну, и оргвыводы...

Гори – не гори, а вдвигаются в нашу жизнь ещё и факты. Вот – факт: начиная с замзавотделом и вверх, ежемесячно вдвигается в пальцы тебе длинноватый конверт болотного цвета, всегда одинаковый. И называется он пакет. А внутри – ещё раз твоя месячная зарплата, но уже точная, без вычетов, налогов, займов. И солжешь ты, если станешь уверять, что тебе это не-приятно, не-нужно, не-приемлемо. Оно как-то именно – приемлемо, деньги-то всегда пригодятся к чему-то.

Женился на сокурснице – но и медового месяца нет: ведь в горкоме надо дежурить до двух-трёх часов ночи, как и вся служебно-партийная Москва не спит по воле и привычке Сталина. На этой "победе" приехал в четвёртом часу домой – ну как жену будить? Ей в 6 часов вставать, чтоб ехать на электричке на работу.

А дела и обязанности – расширились в размахе. И учреждали Международный союз студентов (там общался с самим Шелепиным), и включали его во всеобщую борьбу за мир, ну тут и подсобная работа – писать речи для крупного начальства, вроде: "Не допустим, чтоб ясное небо родины снова застлало клубы войны!" Какая работа скрытая, какая нескрытая, – а был на виду, и голову носил высоко.

И тут – приехал к нему в отпуск отец. Пожил неделю. Послушал сына, присмотрелся. Но не выразил той отцовской гордости, как Дмитрий ждал. Хуже. Вздохнул и сказал: "Эх, в погонялы ты подался. А надо бы – самому ворочать, на производстве. Дело – это только производство."

Дмитрий был уязвлен, обижен. Он чувствовал себя – в постоянном полете, а если земли касался, то ходил – тузом. И вдруг – погоняла?

Да отец и читал только "За индустриализацию". И жил – "для счастья народного", как повторял не раз.

Сын отверг – как ворчливость отцовскую. Но текли недели – и что-то стало внутри – сверлить, подавливать. Отцовское осуждение – оно, оказывается, гирей на сердце ложится. От кого бы другого – отмахнулся легко. А тут?..

А не прав ли отец: какое "дело"? И сам видишь: трёп, да трёп, да подсижки, да интриги, да пьянки. Оглянуться на сотрудников – ведь королюбые они. И чиновники.

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
А если есть у тебя способности - куда на большее? (Только - на что именно? Ещё непонятно.)

Но - уже нелегко расстаться и с пакетами, и с "победой".

Точило в нём, точило. А решиться нелегко.

Вдруг - как-то смаху, необдуманно, - накидал заявление об уходе. И подал.

Но - какое такое заявление? Как это член партии может писать заявление? Против воли Партии? Так это - неустойчивый элемент в нашей среде! И - такую подняли баламутину, и такую задали Емцову прокатку, и так отмордовали на партсобрании - сидел варёным раком, и только признавал и признавал свою вину.

Да может и к лучшему. Карьера выправилась опять. (И вот такие поручения загадки: в одном институте студенты создали, якобы в шутку, "Общество защиты гадов и пресмыкающихся". А если посмотреть проницательно? - ведь это политическое подрывное дело.)

А тут - крупная перетруска в Москве: на пленуме МК - МГК партии её привычного первого секретаря Попова - такого прочного, импозантного, неколебимого - вдруг свалили. (Интрига была - Мехлиса, его врага, а решение - Сталина, прочистить тех, кто в войну зажил, а в обвинениях не поскупилась: почему асфальтную дорогу за город провёл как раз до дома своей любовницы, и не дальше?) Вместо Попова назначили Хрущёва.

А тут подкатил день комсомольского юбилея. Комсомольский актив принимали в Георгиевском зале, банкет. Живой и щедрый Хрущёв, с круглой, как обритый, головой, пообещал: "Старайтесь! старайтесь - и все будете в секретарях ЦК!"

И вдруг какой-то бес повернул язык - Емцов безоглядливо выскочил:

- Никита Сергеич! А можно вопрос?

- Можно.

- Вот два года, как кончил я институт, а диплом мой лежит в тумбочке. Люди на производстве - разве не нужны? Готов идти, куда пошлёт партия.

(А звучало-то как! - в Георгиевском зале. Сам своей отвагой полюбовался.)

Хрущёв, недолго думая, боднул подвижной лысой головой:

- Товарищ Сизов, я думаю - просьбу можно рассмотреть?

"Рассмотреть"! - из руководящих уст - это уже приказ! (Не ожидал такой крутой бесповоротности! Поспешил, выскочил?..)

Сизов вызвал на собеседование. Расположительно: "Да зачем же ты так? Сказал бы нам. Да мы б тебя ещё в ЦК продвинули." Ну уж, упущено. "И куда ж ты хочешь?" - "В авиационную технику." - "ВИАМ? ЦАГИ?" - "Да нет, на прямое производство!"

А пошло через министерскую аппаратную - и назначили на периферию. Правда, выбрал город, откуда и приехал, где родители. Замысловатые, замаскированные у нас названия: "Агрегатный завод" - пойдёшь разбери, что за этим скрывается? А за этим - и авиационное электрооборудование, автопилоты, дозировка топлива, но туда же и ширпотребский заказ: наладить производство бытовых холодильников, позор нам с таким разрывом отставать от Европы!

По славе, что "сам Хрущёв его направил", - довольно быстро стал начальником цеха. (А от горкомовской зарплаты с пакетом - падение сразу в 5 раз, ой-ой! уже ощутимы даже 30 рублей "хлебной надбавки".) Только цеху его как раз - выпуск холодильников! Вот, стоит английский образец, всего только задача: точно скопировать. Но чёрт его знает, скопировали в точности, а секреты какие-то не ухватили: в контуре то трубка какая засоряется, то от холода своего же и замерзает начисто. Покупатели - возвращают с жалобами и проклятьями, "не холодит!", магазины - с рекламациями.

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru Но облегчало работу, что и в эти годы, начало 50-х, ещё сохранялась на заводе беспрекословная дисциплина, как если б война и сегодня шла, – даже на их "пьяном заводе", как в городе звали (на промывку аппаратуры отпускали им много спирту).

Смерть Сталина – сотрясла! Не то, чтобы считали Его бессмертным, но казалось: он – Явление вечное, и не может перестать быть. Люди рыдали. Плакал старый отец. (Мать – нет.) Плакали Дмитрий с женой.

И все понимали, что потеряли Величайшего Человека. Но нет, и тогда ещё Дмитрий не понимал до конца, какого Великого, – надо было ещё годам и годам пройти, чтоб осознать, как от него получила вся страна Разгон в Будущее. Отойдёт вот это ощущение как бы всё продолженной войны – а Разгон останется, и только им мы совершим невозможное.

Был Емцов, конечно, не рядовой, не рядовой. Нерядового ума, энергии. На заводе не столько уж требовались институтские знания, сколько живо справляться с оборудованием и с людьми. Дома опять почти не бывал. А ведь уже и сын родился, – а когда воспитывать? времени ни чутельки. Но главный урок жизни он получил от директора Борунова.

Директоров сменилось несколько, держались по году, по полтора. Последнего, и с ним главного инженера, сняли "за выпуск некачественной продукции": нагрянули комиссии от безжалостного Госконтроля, от прокуратуры, завод остановили, допросы по кабинетам, все в жути. И вот тут новым директором вступил Борунов – рослый самодородный красавец, лет сорока. Не улыбкой, нет, но чем-то светилось на его лице уверенное превосходство: что он знает, как исправить любое положение.

И – да, поразительно! За две-три недели и весь завод и цех холодильников стали – другими. Люди как будто попали в мощное электромагнитное поле: их всех как повернуло в одну сторону, и они все смотрели туда, и понимали одинаково. Про нового директора передавали басенные эпизоды, подробности. (Тут Емцов был неделю в отгуле, уезжал на зимнюю рыбалку, не явился по вызову, а когда явился, секретарша Борунова: "Сказал: больше в вас не нуждается." И три дня не допускал до лица своего!) Вдруг объявил в январе: "С 1 февраля завод будет работать ритмично!" И на демонстрационных досках за каждый день каждому цеху стали рисовать или красный столбик (выполнил план), или синий (провалил). И такой пошёл порядок, что при синих столбиках и жизни нет никому в цеху. Значит, цепляйся, когтись! Вот, как будто, пошли холодильники? а из гальванического цеха не успевают доставить решётчатые полки к ним. Мелочь, тьфу! – а сдать без них нельзя. Начальник гальванического умоляет: "Ты подпишись, что сегодня принял, а я тебе завтра утром доставлю." И другой раз, и третий, – а нехватка всё дальше. Емцов отказался, и тому поставили синий. На следующей планёрке Борунов: "Емцов вон отсюда!" Емцов даже руки вскинул просительно: ведь прав же! Нет, как перед скалой. Подсёкся.

Приглядывался на планёрках: чем Борунов берёт? ведь не криком, не кулаком. А: уверен он, что – выше любого своего подчинённого. Интеллектуально. Скоростью перехвата мысли. Остроумием. Разящей меткостью приговора. (Но все эти качества – Емцов находил и в себе!) С Боруновым невозможно было спорить. Невозможно – не выполнить.

А вот возможно: обогнать в догадке – и предложить своё? Вот, стали приходиться перебивчиво и срывали весь план реле из Курска. Додумчиво – к Борунову: "Дайте мне самолёт! денег! лечу с бригадой монтажников в Курск?" Просиял директор, сразу дал. На курском заводе Емцов и свою бригаду посадил регулировать релешки, и тамошнее совещание и митинг собрал. Сколько б нам ни обошлось! – а пошли одни красные столбики.

Недолго директором пробыл и Борунов. Только – не сняли его, а возвысили в секретари обкома.

Но за эту недолгую школу Емцов внутренне сильно вырос и усвоил: тут – не лично в Борунове дело, а Борунов (или всякий другой, или ты) идёт на гребне великого сталинского Разгона, которого хватит нам ещё на полвека – век. Вот единственное Правило: никогда не надо выслушивать ничьих объяснений (сомлеешь в объяснениях, скиснешь, и дело погубишь). А только: или дело сделано – или не сделано. Тогда берегись!

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru и людям – деваться некуда!! Выполнение – беспрекословное! А вся система – высокоуправляема.

И вскоре был уже главным технологом завода, ещё прежде своих 30 лет. А чуть за 30 – главным инженером.

Вот задача Партии: наладить выпуск магнетронов – мощных генераторов сверхвысокочастотных колебаний, они пойдут в противовоздушную оборону, в локаторы. Образцы? получите: вот – немецкий, вот американский. Копируй сколько хочешь, но с магнетроном задача похитрей, чем с холодильником: а как отводить тепло? а как снимать мощность? И мало просто генерировать высокую частоту – нет, надо в самом узком диапазоне, иначе не распознать целей. (На всё то сидели теоретические группы в конструкторских бюро.)

Шли годы – оборонный комплекс, раскиданный по стране, но связанный безотказными каналами поставок, решал одну за другой задачи, ещё недавно, казалось, невыполнимые. Уже передавали слова Хрущёва (крестного отца...): "Да мы теперь ракеты делаем как сосиски на конвейере." Но чтоб эти ракеты летали по точнейшему курсу – вот задача с гироскопами: для быстроты запуска ракеты они постоянно включены – но оттого изнашиваются, и когда появился в технике лазер – домозговали до лазерного гироскопа, без трущихся частей и чья готовность мгновенна. И Емцов, уже привыкнув не застывать, всегда двигаться без понуждения, самому искать новые направления, – предложил приехавшему на завод министру и зав. оборонным отделом ЦК: поручите лазерную аппаратуру нам! (Шаг был – отчаянный! но понесло его, как камикадзе.)

Принято. И сразу вослед – в свои 33 года! – стал директором завода.

Было это в апреле 1960. А на 1 мая – сшибли нашей ракетой самолёт Пауэрса.

Но – как? Через несколько дней было крупное совещание у Устинова – тогда уже зампредсовмина, зам Хрущёва по обороне, но ещё всеми боками за своё прежнее министерство оборонной промышленности. (И молодой свежий директор первый раз попал на такую верхоту.) А от министерства обороны пришли во главе с Байдуковым, и тот с захрипом, тяжеломерно выкладывал обвинения, что военно-промышленный комплекс проваливает советскую оборону.

Эти растреклятые американские У-2 (насмешливое совпадение названия с нашими низковысотными фанерными "кукурузниками") летали на высотах, не достижимых для наших истребителей, ещё и путая локаторы созданием фальшивых мишеней, бросали металлические ленты, наша система не различала уверенно характер целей, и сама наводка ещё была неточна, – зелен виноград сбивать эти самолёты.

И сейчас – Пауэрс беспрепятственно миновал наши системы противовоздушной обороны, пролетел даже прямо над зенитным полигоном Капустин Яр на Нижней Волге, из Ирана пересек половину СССР, по нему лупили – а сбить не могли. (Вместо него – сбили свой один.) И только на Урале в него улупили, по сути случайно. (А Пауэрс предпочёл плен обещанному по контракту самоубийству иглой. Потом и книгу воспоминаний издал, деньги получил.) Тогда весь случай подали публично так, что Хрущёв сперва, из милосердия, не хотел сбивать. Но сами-то знали: куда годны?

Видно было, как Устинову тяжело, неприятно, – Емцов сидел совсем неподалеку, но не за главным столом, а в пристеночном стульном ряду. Устинов, с подёргиванием своего долговатого лица, явно искал, чем оправдаться, кому для этого слово дать, чтобы находчивые аргументы привёл?

И тут – Емцова внезапно взнесло, как когда-то перед Хрущёвым, или когда взялся выпускать лазерные гироскопы, – сразу и страх и бесстрашие, как в воздухе бы летел без крыльев – вот взмоешь или разобьёшься? – поднял руку просить слово, вверх и с наклоном к Устинову! (А внутри: ой, хоть бы не дал! На таких высоких совещаниях – опасней, чем на поле боя, чем на минном: чуть неосторожное выражение или малый перелом голоса уже могут тебя погубить. Впрочем, свои инженеры убедили его, что решение – уже близко.)

Устинов видел руку, однако сухопарому выскочке не рисковал давать: чего ляпнет, по молодости? Выступали один генерал, другой генерал, один директор, другой директор. И теперь уж каждый раз Емцов поднимал (хотя внутренне – ещё робел). Устинов посмотрел ему пытливо в глаза – и тут Емцов ощутил, как в глазах его

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru зажглось – и пошло уверенным сигналом к Устинову. И Устинов явно понял, принял сигнал. И – дал слово.

Емцов вскочил пружинно, и заговорил энергично. Подталкивал его и тот опыт с гальваническим цехом: да, иногда надо признать сделанным – ещё и не сделанное! и с Курском: провал потом наверстаем, а красный столбик – должен стоять непременно! И хотя он знал, что селекция движущихся целей всё не налаживалась, – но она должна наладиться! должна – по закону великого Разгона!

И самонадеянно тряхнув головой – заверил генералитет, звонко:

– Проблема селекции высоколетящих целей – у нас уже решена. В короткие сроки она будет уже в практике.

Застыли, даже рты приоткрыли.

И на этом бы остановиться? Нет, ещё не полная победа. Теперь – очень озабоченно, но и надменно:

– По-настоящему мы уже заняты другой проблемой, и она стоит для всех: создать систему обнаружения низколетящих целей. Американцы то и дело снижают высоты...

Сотряс Совещание! В перерыве Устинов усмехнулся наградно: "Ну, не посрамил ВПК." А ещё один видный генерал схватил Емцова под руку (Емцов не успел рассчитать – почему он? потом узнал – тот терял значение, хотел укрепиться) и повёл его в какую-то чуть не маршальскую группу: "Вот, мы..."

Так-то так, приятно, но и страшно: а если не получится? Да, могло б и не получиться... Могло бы, если бы не Разгон! Ещё летом пришлось ему повторить и на другом совещании (шефы ВПК горели), что будто идёт как надо, – а всё ещё не было сделано!

Да тут не то что карьеру сломят – посадят...

Но у него был опыт Борунова: оказаться быстрее и пронизательней своих подчинённых, не отдать им инициативы (а всё умное – тотчас подхватывать). Действовать на подчинённых психологически: синие столбики не могут появиться ни по каким причинам! Он уже ощущал себя – лютым производственником и озарённым директором. То и дело ночью к нему домой машина: "конвейер остановился!" или там что, – и он несётся на завод. (Уже и о нём рассказывают басенные эпизоды.) И он поверил в творимость чудес. Казалось бы, по естественным законам природы, – такой процесс нельзя заказать вперёд, такое сооружение может и не держаться, но есть и психологический закон: "Вытянем во что бы то ни стало!!"

И – вытянули. За 4-й квартал того же года завод получил знамя ЦК и Совета министров, директор – Героя Социалистического Труда.

А дальше – взлёт, и взлёт, и взлёт. (Да по глазам и повадкам любой заводской девушки – а много ль мы шагаем, не задевая в себе этих струн? ощущал непреклонную свою победность. Да ведь у него и дворянская кровь текла – видна в окате головы и как держал её.) Завод его, шифрованно переименованный в "Тезар", – теперь воздвигался в новых и новых корпусах, набирал новые тысячи рабочих. Он выпускал – СВЧ-генераторы, сердца локаторов, и сложные системы питания к ним, а кто-то другой – волноводы к антеннам, а кто-то ещё – вычислительные комплексы для локаторов. Посылаемые на поиск сигналы должны быть переменной частоты, чтобы противник не успевал к ним привыкнуть и защититься. Строилась первая противоракетная оборона. Уже был создан "московский зонтик": по 140 устройств на каждую из четырёх сторон света (через Северный полюс особенно ждали) с обнаружением летящих ракет за тысячу километров – и устройства эти в три пояса: внутренние потом добирают то, что пропустили внешние. И – тысяча целей обрабатываются одновременно, а дальше электронно-вычислительными машинами распределяются по стрелбным комплексам: кому по какой цели стрелять. (И тут мы, в этом зонтике, обогнали американцев!!)

Дальше пришла пора разделяющихся головок – попевали мы за американцами и в головках. И по возвратным локаторным сигналам научились различать головки боевые от показных беззарядных.

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru И – сыпались на Емцова награды. И счёт потерял он этим высоким совещаниям, куда летал, и высоким кабинетам, куда, как говорится, чуть не любую дверь открывал ногой (не любую, конечно). Даже входил в комиссии по редактированию постановлений ЦК. И сколько этих физиономий с обвислыми щеками и подбородками, почти без мимики лица и глаз, а губы открывающих лишь чуть, по неизбежной необходимости произносить фразы – сколько их, навстречу Дмитрию Анисимовичу, нехотя меняли своё отродно неприязненное выражение. (Чужой был им этот оборонный директор – слишком молодой, худой, подвижный, с воодушевлёнными блистающими глазами и аристократическим лбом.) А Дмитрий Фёдорович Устинов – просто любил Емцова.

(Но – и надломился хребет карьеры: близкий друг Емцова, учёный электронщик, посвящённый во множество наших секретов, поехал в Европу на конференцию – и не возвратился! – взбунтовался против Системы! И – Емцов закрепился невыездным – на два десятка лет! А могло бы и сильно хуже, и свергли бы вовсе. И, вот, как понять тебе этот непредупреждённый внезапный поворот друга? Понять его – вообще нельзя, потерял голову. Не ради западных же благ, и тут ему хватало. Свободы? – но в чём таком ему не хватало свободы? А лично – предательство? Да что – "лично"! Из-за беглеца пришлось по всей системе противоракетной обороны менять все коды, номера, названия...)

А за эти 20 лет – "Тезар" всё разрастался. Заводоуправление – мраморный дворец. Но и новые цеха – загляденье, роскошные здания. Строили – денег не жалели. Это был уже не завод – а пять заводов вместе, в одном каменном обносе, и три Особых конструкторских бюро (ещё секретнее самих заводов). И 18 тысяч рабочих и служащих. И вот в одном и том же директорском кресле (перенесё его несменно и в новое здание), просидел Емцов – скоро четверть века. Сохраняя всё ту же сухость фигуры, лёгкость походки и быстрый умный взгляд. Волосы – выпадали, а остаток на теменах не проседел. Распоряжался только повелительно, и умел осадить любого. Было ему за пятьдесят.

В таком возрасте уже не жена приносит тебе второго сына – но сам сын ещё насколько гордостней, и горячее, и сгусток надежд, и обещанье продолжить тебя насколько дальше в годы! Ты – вместе с ним как будто ступаешь первыми ножками! Старший сын уж давно сам по себе, и не так пошёл, – но вот этот, через двадцать лет от первого, пойдёт каково! И сколько же дальнего смысла он добавляет в твою жизнь.

А Тезар всеми фундаментами только вращался и вращался в приволжскую землю, ещё прихватывая и прихватывая расширенным забором соседние жилые и луговые гектары, – но продукцией своей, но назначением и делом своим всё более впитывался в нашу оборону как всеозначительный гигант. С ним – и его безупустительный директор, не уставая застолблять всё новые направления поисков и производства. (А всё так же – невыездной: ему верило ЦК, ещё бы не верило! – а осторожность Спецуправления тоже не лишняя?..)

Да, оборона советская – и нападение же! – стояли всё так же несокрушимы и действенны. Но уму, знающему тоже и подробности секретных донесений из-за океана, притом уму живому, – с начала 80-х годов, от Рейгана, стало проясняться, что мы в гонке – уже не те, приотстаём. Этого нельзя было допустить, нельзя было дать себе остановиться! – но вот эти развислые в креслах, с мёртвыми глазами, нахлобученными бровями, прищуренные, слушающие вполуха, неприязненные ко всякому, кто ниже их по должности, – как их протронуть? можно ли что довести до их мертвеющего сознания? (К старости не тот уже стал и Устинов.)

И вдруг – появился, проявился – Гор-ба-чёв! От первого же пленума ЦК разбудил надежды. Оживём! Рядом с ним – и Лигачёв, и он дал Емцову даже выступить на Политбюро! А в Дмитрие Анисимовиче, ещё с затонувшей косыгинской реформы, – теплилось понимание, как уже тогда, в 65-м, приходило нам время перестраивать экономику – но трусливо, ослабленно, равнодушно упустили всё. А тогда – тогда промышленники чувствовали себя в боевой форме, и поверили в лозунг: теперь планировать – по-новому! стимулировать труд по-новому! И Емцов – не одного себя выражал, когда горячо взялся читать доклады партийным аудиториям, даже в высшей партийной школе: что такое новая экономическая система и как она спасёт страну. Слушали – удивлялись. Тогда пригласил его и местный университет на курс лекций: "Основы экономической политики социализма" – и Емцов принял вызов, пошёл. А сам для себя уже тогда был погружён и в любовь к запрещённой кибернетике, зачитывался Эшби, включил в свой курс и элементы кибернетики, какие успел

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru перенять. Удивлялся и сам: ко всему, ко всему подходить с системных позиций! - а?.. (От благодарного университета получил кандидатское звание.)

Но потом – весь надув реформы выдохся как проколотый. И охолодел – на 20 лет. Ну, ничего, как-то жили. Наш век доживём и без реформы?

Нет, вот она! Горбачёв! Уже охладевшая вера снова стала набирать накал. По старым, но обновлённым тезисам – пошёл Дмитрий Анисимович в университет читать лекции о современной системе управления промышленностью (однако уже без былой примеси кибернетики, разве угонишься за ней 20 лет?).

Но – Горбачёв? – о чём вы говорите? Этот близорукий несуразец – что он делал? Какие разрушительные спускал приказы, ляп за ляпом? Вводятся Советы Трудовых Коллективов! – и этот СТК рассматривает и либо одобряет, либо не одобряет план, спущенный министерством!? Да я вас поймаю на слове: какая кухарка у себя на кухне такое допустит? – не то что директор могучего прославленного комбината! Нет, слушайте, ещё лучше: так называемый "трудовой коллектив" отныне будет выбирать директора! Да моя деятельность наполовину проходит вообще вне завода: все поставки, внешние связи, верховные органы, валютные закупки – и кто в трудовом коллективе, и какая шушваль может об этом всем судить? Бредятина! И ещё какая-то газетёнка, да притом литературная, открывает рубрику: "Если бы директором был я..." Шлите пожелания... Бывало в нашей жизни и раньше? У вас, может быть, и прекрасная память. Но у меня есть свойство обобщать. Так вот: это – конец!

Но какой ни конец – а всё живое должно жить. (А у тебя же – второй сын, растёт. Это – какая музыка в душе? Теперь-то и жить! И – сколько ещё жить!)

Так – и хлюпались, пять лет "перестройки". Находили решения "методом тыка", как говорят экспериментаторы. И уже – сами, подальности от тех, кто верхоправит, без каждого поклона в Москву. К концу 80-х годов все связи между предприятиями в СССР настолько распались, что уже нельзя было надеяться ни на какого поставщика. И монстр Тезар искал, как изготовить для себя побольше самим.

Но ещё и тогда – не знали настоящего горя. А вот когда узнали – когда разогнали Партию. Да! я – первый не любил этих вислобровых на самом верху, не смотрите на мои ордена, не считайте мои золотые звёздочки или сколько раз я выступал в прежнем ЦК, – рассматривайте, что я скромный человек, просто профессор кибернетики. Так. Но – партия была наш Рычаг. Наша Опора! А её вышибли.

И кинулись в великую Реформу, как старый рыбак сказал у проруби: набалмошь.

А до Тезара дошло так. Ровно через три недели после мозговитого начала реформы, позднейянварским пасмурным днём, подали Емцову телеграмму из министерства обороны: "Отгрузку продукции шифр такой, шифр такой, остановить отсутствием финансов."

Один в своём большом кабинете, но в издавнем кресле, – сидел Дмитрий Анисимович над телеграммой – и ощутил мурашки в волосах.

Как будто злой дух, демон, над самой головой низко-близко пролетел.

Или как будто великий красавец-мост через реку шире Волги – рухнул в минуту, только бетонный дымок ещё оседал.

Сорок один год, от Георгиевского зала, Емцов был производственник. Тридцать два года, от Пауэрса, – директор Тезара. А эта телеграмма вестила: всему конец...

Если у министерства обороны уже через 3 недели от старта "реформы" нет финансов на такое – то их уже и не будет. И мудрый человек обязан видеть всё насквозь – и до последней задней стенки. Это, действительно, всему конец. И самое неразумное – это защитно барахтаться, слать умолительные телеграммы, обманывать самого себя, оттягивать развязку. Да, сказано только "прекратить отгрузку", не сказано "прекратить производство", и в цехах и в складах ещё есть места, можно изготовлять и дальше.

Нет. Обрезать – сразу. Не длить агонию.

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
Он – час так просидел? не зажигал света, и вот уже полные сумерки в кабинете.

Зажёг настольную лампу. Вызвал трёх ведущих. И скомандовал отрешённо, мёртво, как уже не о своём: по шифру такому, шифру такому – немедленно прекратить выдачу материалов цехам.

А значит, Великий Разгон – кончен.

В те недели из ста военных директоров девяносто пять ринулись в Москву доказывать: "Мы потеряем технологию! Дайте госзаказ, а мы пока будем работать на склад!" И боялись одного: только б не выключили из казённого снабжения, "только б меня не отбросили в приватизацию". Разрушительное это слово пугало, как морское чудовище.

А Дмитрию Анисимовичу стало ясно как при температуре Абсолютного Ноля, минус 273: Электроника наша – кончилась. Высокие технологии погибнут безвозвратно, ибо не смогут сохраниться отрасли или заводы по отдельности: всегда до нужного комплекта будет чего-то не хватать. Система будет деградировать вся целиком, никак иначе. Наша высокая военная техника начнёт рушиться, рушиться – а потом никто её не восстановит и за десятки лет.

А ведь реформа Гайдара-Ельцина-Чубайса – гениально верна! Без горбачёвской половинчатости: надо разрушить всё – и всё – и всё – до конца! И только когда-нибудь потом, уже не нами, Карфаген будет восстановлен, и уже совсем не по нашему ладу.

Но когда этой заматавшейся компашке казённо-сплочённых директоров Емцов заявил: "А я – иду на приватизацию!" – "Да ты белены объелся! – взгневались оборонщики. – Да как это можно в нашем деле даже вообразить: приватизация? Да пока мы живы – никакой приватизации!"

– Д-да? – усмехался Емцов со своей неизречённой уверенностью, хоть и горькой. – Хорошо, давайте рассуждать, я вас сейчас разгромлю. Если я вас правильно понял: у нас, зато, например, продолжает расти металлургия? Гоним дешёвые стали, а спецстали загублены? У вас прекрасная память на прошлое. Но надо его забывать. Ни штаба ВПК, ни штата ВПК – больше не будет. И из продукции нынешнего уровня мы уже скоро ничего никогда не повторим.

Да среди всех дурацких лозунгов – "перестройки", "ускорения", "социалистического рынка", потом "реформы" (неизвестно по какой программе), был один проницающе разумный, если его не упустить. К директорам заводов обратились: "Становитесь хозяевами производства!"

Верно! Схвачено! Вот оно, заложено тут.

Но если ты номинально "хозяин производства" – почему же не стать им реально?

Однако стать хозяином – как это?

По неизведанному пути – первому всегда трудней. Но – и выигрыш времени, вот, для переконструкции Тезара.

Правда, нашлось ещё сколько-то подобных – "партия экономической свободы". Вступил к ним. Но: болтовня одна или политической власти хотят. Нет, не через политику решается.

Сперва Емцов поверил в содействие западных инвесторов. В гости на Тезар услужливо и доверчиво принимал приезжающих западных банкиров, широко по русски их угощал. Очень вежливые, улыбочивые, хорошо ели икру, – а ни цента не предложили в содействие.

Но от государства – тем более одни шиши. Надо торопиться.

При теперешнем свободном выезде – поехал в Америку сам. Встречали очень хорошо – как "прогрессивного предпринимателя". И встречи, и консультации, и деловые завтраки-обеда. А вложений – и тут ни гроша не дали. Но давали, но дали всё один и тот же верный совет: такого монстра, как ваш Тезар, никто инвестировать не будет, на нём можно только проиграть. Вам надо разгромоздить его на много

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
отдельных предприятий – и пусть каждое выбивается своими силами.

С полтавского детства хорошо помнил Гоголя: "Я тебя породил – я тебя и убью."

В совете министров – суета, вертея, каждый добивается, друг друга отталкивают. Так втиснулся Емцов с вице-премьером в самолёт, и пока на конференцию летели – получил резолюцию на приватизацию Тезара и дробление его.

Да, если живое тело разрубить на части – они будут корчиться в поисках друг друга. А иного выхода нам не оставлено.

И вот теперь будет мой принцип: никаких нам ваших дутых госзаказов! платите вперёд, тогда и заказ. Деньги раньше товара – не принято? А нам выхода не оставили: денежки – вперёд! Оборонную часть Тезара довёл до 5 процентов – до запчастей для противоракетной обороны, крохи. Раздробил Тезар на шестьдесят дочерних фирм, но надо всем и всеми – ты остаёшься генеральный директор. В их уставных фондах – что-то от прежнего Тезара, а на остальное ищите богатых держателей, сами ищите. У каждой ячейки – свой самостоятельный интерес выжить, вот и корчитесь. Все шесть десятков – юридически равноправны, а генеральный директорат своё имеет, это по-новому называется "холдинг", держание.

Принцип для всех: отныне нам всё равно, на чём зарабатывать деньги! Высокую частоту на обработку гречки? Хорошо. А печи СВЧ, каких у нас не видано, в домашний быт? Гоните! Кто-то налаживает видеоманитофоны? Великолепно. Пластмассовые оконные рамы, детские игрушки. А кто ничего не наладил, и нечем зарплату платить? Значит, не платите. Значит, увольняйте рабочих.

Загудел весь город: "Радиоэлектронный завод перешёл на выпуск граблей!" (Недалеко от истины.) А кто знал о деле побольше – инженеры-электронщики или оборонные директора по всей стране: "Емцов разваливает империю Тезар!" Ещё не уволенные рабочие, но второй-третий месяц без зарплаты, и уже уволенные, кипели неутешимым гневом. Толпились, кричали у заводоуправления, проклинали директора. Емцов назначил – идти в клуб, на собрание.

И – такой же и в старости тонкий, гибкий как тростничок, с ясным взглядом и лицом – вышел под бурю. И ощущал в себе ту залихватскую дерзостную находчивость, которая уже несколько раз в жизни так пригодилась ему. Знал, как сейчас их ошеломит.

Зал – рычал. Емцов вскинул тонкую руку с длинными пальцами как учительскую указку, и, сколько ещё оставалось звонкости в голосе:

– А кто виноват? Сегодняшний Верховный Совет – кто выбирал? Директора? или трудящиеся? За кого вы голосовали? Выбирали вы – директоров, организаторов, хозяйственников, тех, кто знает дело?! Нет!! Вы кинулись выбирать новообъявленных демократов, да всё больше преподавателей марксизма ленинизма, экономики, кабинетных доцентов и журналистов... Хасбулатова, Бурбулиса, Гайдара, Чубайса, да я вам тридцать таких назову, – кто выбирал?! Вот теперь – берите свои красные знамёна – и топайте к этим педагогам, ищите справедливости! А я – предусмотрительно спасаю вас! Я оставляю вас безработными, да, – но запомните: в 92-м году, а не позже! Вы, с Тезара, ещё успеете найти работу или приладиться к новому. А кто потопает со знамёнами за зарплатой – вот тот и останется с носом.

Легко перестраивать жизненный путь, взгляды, замыслы – молодому. Но – в 65 лет?

И ты – уверен, что прав. А в горле – жёлчь ото всего обвала.

Надо иметь неутраченную, выдающуюся гибкость ума: сразу перемениться ото всего и изо всего, в чём ты прожил жизнь. Как будто всё то была трин-трава, а ты, вот, бодро зашагал по-новому.

И спотыкаешься же на каждом шагу. И печи СВЧ и видеоманитофоны – лучше и дешевле тезаровских хлынули из Японии. Значит, нечего и барахтаться, надо и эту самостоятельность прикрывать. (И ещё – увольнять, увольнять. Да и сами инженеры, служащие, рабочие уходили, не ожидая увольнения, – и кто уходил? Сперва самый талантливый слой, потом второй сорт. Осталась серая масса и балласт, из былых 18 тысяч – только 6.)

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
Год прошёл – и четвёртая часть осколков Тезара обанкротились, лопнули, распущены. А кто-то – вывернулся, находил прибыли. Надо всматриваться, искать никем не проложенные, не предусмотренные, не увиденные пути, да саму землю рыть – и под землёй искать, а хоть и в космосе. Вот мелькнула новинка: переносные, подручные телефонные аппараты, работающие через спутники, подхватываем! строим для них базовые станции, коммутаторы и продаём абонентные номера, вот и прибыль! Да простые газовые счётчики, каких и у Газпрома нет, а всем нужны, – прибыль!

Да господа-товарищи, нам ничего не надо стесняться, нам подходит любая торговля! – хоть и граблями, хоть и шляпами, хоть и сдавать в аренду любые наши роскошные помещения, – наши дворцы и наши детские садики – хоть под магазин скандинавской мебели! хоть под супермаркет! под казино или под прямой бардак! (Только быт – и продавать, а старые цеха – кто у нас купит? А что – и государство, отказавшееся от нас, ещё и заберёт – за долги, за энергопитание.)

Но самая плодоносная идея была – создать свой банк, в сращении с успешными осколками Тезара. По своей-то поворотливости и не упустили короткую пору, когда банки открывались гроздьями, – а опоздавший пусть потом ногти грызёт. Банк – это нервное сплетение всего живого и творящего! И, сами не ожидали: через три года банк при Тезаре получил американскую премию "Факел Бирмингама". (В том штатном Бирмингеме когда-то началось возрождение в Великий Кризис, оттуда и премия.)

Те оборонные директора, которые и год и два всё ждали государственных заказов или производили в долг, – теперь жалко барахтались, как лягушки на песке. А Емцов – не только всё успел вовремя, но даже несколько не расслабился от излома, но даже расхаживал по прежним своим территориям по виду ещё властей и гордей, чем прежде, знаменитым тогда красным директором. Проходя казино, иногда и морщился: "этим импотентам, недоросткам, ещё сам заплатил бы, чтоб не слышать их музыки." Он опять был – победитель, хоть и спрятал в дальний ящик стола свои прежние ордена и золотые звёздочки Героя. Гибкость ума и нестареющий деловой азарт – и ты никогда не пропадёшь! Говорил:

– У меня такая идея, что делать деньги – оказалось интересное занятие. Никак не меньше, чем отбивать пульс ВПК или, скажем, соображать в кибернетике.

А сынок подрастает – пусть-ка поучится за границей.

2

В доме по улице Карла Маркса No 15 произошло покушение на банкира. Это был взрыв во входном тамбуре дома, но сам банкир остался жив и тут же уехал, с женой, на автомобиле.

В областное Управление по Борьбе с Организованной Преступностью сигнал о происшествии поступил поздно вечером. Дежурный лейтенант должен бы тотчас ехать на расследование, но, даже прихватив двух автоматчиков, ночью можно попасть в положение опасное: где один взрыв, там хоть и второй, и третий. Поэтому лейтенант подождал до рассвета – февральского, не раннего, – тогда и поехали.

Дом оказался кооперативный, самими жильцами были устроены внешняя стальная дверь и за ней тамбур. На двери и сейчас сохранился примагниченный остов одной из двух разорвавшихся мин. Внутренняя деревянная дверь была прорвана взрывом на уровне человеческой груди, и весь тамбур вкруговую иссечен осколками, усыпавшими пол: по предупреждению лейтенанта домовая служба ничего за ночь не тронула, а вечерние возвратные жильцы проходили с великой опаской. Лейтенант произвёл все замеры, составил описание случая. Самого банкира (по фамилии Толковянов, ещё молодой человек) в доме не оказалось. Из его квартиры – стандартной, двухкомнатной, что удивило лейтенанта, – никто на звонки не отозвался: они с женой так и не вернулись после взрыва, а двухлетний ребёнок, объясняли тут, наверно у бабушки.

На том закончив пока расследование, лейтенант спешно вернулся к себе в Управление, чтоб успеть до утреннего прихода на работу майора и других сотрудников. Успел. Но майор почему-то всё не шёл – а в 10 часов приехал сам подполковник Косаргин. Лейтенант рискнул пойти доложить прямо ему.

Подполковник был сорока лет, сейчас в гражданском костюме, но с явной военной выправкой, подтянут. Он 15 лет прослужил в Органах, ушёл оттуда года полтора

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru назад. И уже с год был вот здесь.

Лейтенант всё доложил, показал и схематический рисунок. Один раз Косаргин поднял бровь, тоже усумнясь насчёт скромной квартиры.

- Что прикажете, Всеволод Валерьяныч?

Лицо Косаргина было худощавое, энергичное, и выражение его всегда готовность к немедленному делу.

- Как Толковянова зовут, вы узнали?

- Да. Алексей Иванович.

- А сколько ему лет?

- Двадцать восемь.

По гладкому лбу Косаргина пролегла косоватая складка - раздумья? вспоминанья?

- Я, пожалуй, займусь этим сам. Звоните в банк, найдите Толковянова.

Лейтенант готовно повернулся, облегчённый, что ночное промедление не поставлено ему в вину, пошёл исполнять.

А Косаргин так и сидел. Его профессиональная память отлично держала: Алексея Толковянова привелось ему допрашивать в Восемьдесят Девятом, когда были волнения здешних университетских и столкновение с ними, через улицу напротив, курсантов пограничной школы: взялись курсанты, одними кулаками, поставить студентов на место. О Толковянове были данные, что он если не вожак студенческий, то из главных затейщиков. Тогда - допрос направлялся строго: вы не слишком очаровывайтесь "гласностью" и какие мерзости дозволяют теперь печатать в газетах-журналах; ещё перехватите чуть-чуть - и таких, как вы, будем сажать, да в такой лагерь, что там и подохнете.

Тогда... Тогда - Косаргин ещё не мог бы вообразить, как оно всё покатится. И куда закатится. Да с какой быстротой и развалом! - дрогнули и сами Органы внутри себя, и самые умные и самые деятельные из чекистов стали - по отдельности - чего-то нового себе искать, и даже уходить. И - куда? Да в новые эти коммерческие компании, правления, чуть ли не и в те же банкиры, возбуждая естественную досаду у оставшихся и отставших... А вот - и студент подался туда, и без промаха успел, не то что ты? Этого кругообращения рассудок не мог охватить.

Но тем более нынешнее дело хотелось доследовать, даже для себя самого.

Толковянов оказался на месте, в банке, - и уже ждал к себе гостей из Управления.

И Косаргин поехал. На тихой улице оставил шофёра у нового семиэтажного, густо остеклённого здания банка с мудрёным названием, как это теперь выдумывают, пошёл внутрь. На втором этаже располагался и зал для клиентов, по западной манере, не остеклённый барьер. А, ещё от вахтёра, определили пришедшего сразу, несмотря на его штатскую одежду, - и вот ещё некий молодой человек встречал, и сразу повёл к председателю правления банка. Тот - и сам вышел навстречу, на комнату раньше.

Да! От того вопроса скоро шесть лет, но Косаргин узнал с первого взгляда: он. Такой же высокий, и что-то простоватое в лице, как приодетый деревенский папушок. Но не в костюме, как естественно бы возглавителю банка, а в небрежно-просторном оливковом свитере, правда с выложенным воротничком рубашки, посветлей, того же тона. На пальце - узкое золотое кольцо, как теперь носят обручальные.

А пришедшего - не заметно, чтоб узнал.

Вошли в директорский кабинет. Тут была смесь мебели: и современная, толстые низкие кожаные кресла около журнального столика, но и несколько старомодных, или поддельных под старину, стульев - жёстких, с высокими прямыми фигурными спинками, в обстав стола под зелёным сукном. А на стене старинные же часы с

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
бронзовым маятником и с мягким вкрадчивым боем, как раз пробили.

Косаргин отказался от кресла, с тонким портфеликом сел к зелёному сукну, банкир – за свой письменный стол, поперёк зелёному.

Хорошо собой владел: на лице не было страха, ошеломления от пережитого, а строгое внимание. Не упустил и в это утро побриться. Продолговатость лица ещё выявлялась продолговатыми же, высокими прилегающими ушами.

Косаргин назвал лишь – откуда он, не фамилию, – Толковянов не попросил удостоверения, и вот только в этом проявилось его рассеяние или растерянность.

Обстоятельства? Было так. Стальную дверь отпер – и вступил войти, а жена – сзади, следом. Вдруг подумал: ещё одну сумку у неё перенять, и – это секунда? полсекунды? – шагнул назад, когда уже должен быть в тамбуре, стальная дверь снова почти прикрылась – и внутри раздался взрыв. Кто послал сигнал – поспешил на эти полсекунды, счёл, что жертва как раз будет в тамбуре.

Улыбнулся кривовато, как бы извиняясь.

Простоватость его лицу придавал и самый простой начёс волос набок, по мальчишески.

– И какие у вас предположения? Кто заказал убийство? Кто – взорвал?

Толковянов посмотрел глаза в глаза. Внимательно. Раздумчиво. Взвешивая.

И тут – узнал! – Косаргин враз понял по выражению.

Но сам – не пошёл навстречу, не напомнил.

И тот – ничего не назвал.

А – ещё задумался.

И, складывая раздвинутые вкруговую пять пальцев с пятью, как полушария, складывая – и как бы с усилием разрывая, складывая – и разрывая, ответил:

– Я не уверен, что ваше ведомство может эффективно в чём-то помочь.

Алёша не представлял, не предчувствовал, что на него будет покушение, и даже вот-вот.

А между тем, вступая на изломанный путь в этом потёмочном мире, – надо было и давно ждать, и всегда ждать.

Кто заказал – Алёша подозревал, хотя не доказать ничем: головка фирмы Элломас. Отношения с ними были в неустойчивом состоянии, требовали большой оглядчивости, и сейчас Алёша, кажется, понимал, где и в чём промахнулся. Бывает одна неосторожная фраза – а выводы из неё потекли против тебя. Кто взялся за финансовое дело – тому никогда нельзя дать волю чувству, сорваться.

А кто исполнял – того ещё трудней найти? И вовсе не догадаться. Хотя только через того и можно начать разматывать.

Если ещё браться за этот розыск? А может быть перетерпеть?

И откуда вселяется в нас такое неотчётливое, непонятное движение: почему не перенял вторую сумку у Тани раньше, а вот именно в эти полмгновения?

А могли – и вдвоём успеть войти в ловушку...

Распорядок же дня у Алёши так регулярен, что ничего не стоило убийце и подгадать момент.

Но почему так сложно? не из пистолета просто, в упор?

А наверно, был замысел повести следы по-ложному: не здесь, в областном городе,

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru но в Б* , откуда Алёша когда-то и приехал учиться в здешний университет, - в Б* недавно было два убийства, и оба так: взрыв мины дистанционным сигналом. Неплохо рассчитали.

Но кого убедишь, что с Б * - ни счётов, ни расчётов никаких нет, только нежные воспоминания детства и юности.

Нежные - это не только колодец в сохранившемся провинциальном дворе; ещё не вытоптанная травка кой-где по двору; целый квартал одноэтажных домиков с резьбой на посеревших издряхлевших фронтонах, и мальчишки этого квартала. (С ними чего только не вытворяли: расклеивали по городу листовку "Бей попов!" и смекали, как бы им взорвать последнюю в Б * церковь. А повеяло, не будет ли с нами воевать Китай - так если дойдёт до Урала, то здесь, в Приволжье, по лесам будем создавать группы партизан.) И школа же - до чего интересное приютище от первого порога и с первого дня. А спустя пять лет - физика! а ещё спустя - химия! - что за дивные предметы, до сих пор не развиденные, не угаданные тобой в окружающем мире, а они всё время с тобой тут и были. По химии - замечательная учительница, да какая красавица! Химию учили все с воодушевлением, а Алёша и обогнал: с 9-го класса погнался вперёд и шире программы - и углублял своих же десятиклассников. Но - физика? Учитель был совсем нукудышный, вялый, он просто не понимал о своём предмете, какое переливчатое вещество ему досталось в небережные руки. А уж опытов - совсем не умел ставить, всё готовил за него Алёша. И поперву, пройдя ещё до уроков за таинственную перегородку физического кабинета, он там бродил и грезил среди этих вертимых кругов, искророждающих стержней из бока тёмной закрытой катушки, пришкаленных воронёных стрелок за стёклами приборов, стеклянных мензурок и трубок с насечками, всех видов пружин... Какое-то невидимое струение шло через это всё, и уже никакоекино со скачущими всадниками, пожалуй, не стояло рядом с этим завораживающим миром.

Но скоро, чуть постарше, огляделся Алёша, что всё это устарело, детскость: ворожебный поток физики нёсся куда быстрее, и не здесь. Старшие надоумили его читать журналы - "Наука и жизнь", "Знание - сила", "Природа", - стал он бегать в городскую библиотеку и зачитываться там. Что делалось в мире! что делалось или было уже на пороге: электронно-вычислительные машины, миллионы операций в секунду, - без человека управляющие большими заводскими процессами! электронно-вычислительные, самопроизводящие подобных себе! они же - в радионавигации! перевод тепла в электричество без механических устройств! солнечные батареи! бурное развитие квантовой электроники, лазеры! видение и съёмка в полной темноте!! Как будто все отрасли физики, подобно гончим, одномоментно сорвались с привязей и кинулись по всем направлениям вперегон. Молекулярные часы. "Пограничные науки", физико-химический синтез веществ с заранее заданными свойствами. Вот-вот, на пороге - управляемый термоядерный синтез. Биотоки. Бионика: технические устройства, копирующие биологические системы. А в астрономии: теория Большого Взрыва! - Вселенная отнюдь не вечна: она создана - враз? И чёрные дыры, бесследно и безвозвратно поглощающие материю - в ничто??

А Алёшка - терял время в малокровности школьного кабинета, учил какую-то старь по параграфам!

Весь мыслящий мир нёсся, летел, кружился, преобразовывался в таком бешеном движении - нельзя было больше, нельзя было дальше задерживаться в отсталом городе Б * , хоть и в нём теперь есть заводы. Ну не успеют же открыть, изобрести всё, всё до барьера, до рубежа, что-то же и на алёшину долю останется?

С отличным аттестатом ринулся сюда, в университет, на физфак, и все первые два курса жадно засматривался по ждущим его направлениям. Надо будет захватывать - больше, чем одно направление, - и потому что жгуче интересно, и потому что чем множественней они - тем шире будет дальше выбор для удачи.

И эти два года - счастливейшие в его жизни! - Алёша учился с неистовостью и старался узнавать и уследить, сколько только удавалось.

Да ещё и такое уверенное билось в груди: за что бы, за что бы я ни взялся, любое дело, каким займусь, - во всём будет успех! (Успевал быть и в активистах комсомола, не отдыхал никогда, а заглазывался делами. Даже восставил из полного хлама совсем уже выкинутую кем-то автомашину, "судорогу", аккумулятор каждый вечер тащил на третий этаж общежития заряжать, утром - вниз, ребята

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru смеялись-издевались, но и сами же просили: подвези, опаздываем!)

И вдруг после двух курсов, в Восемьдесят Шестом, – да когда только только струнулись общественные надежды! – как отрубили жизнь: взяли в армию на два года.

Или уж раньше бы? или по окончании? – но почему как раз посередине??

Перегороженный вдох.

И, может быть, – невосстановимый.

Армия – и всегда не сахар, а тут был – самый разгул "дедовщины". А от "дедов" жалости не жди. Но в те годы и Алёша был не худ, как сейчас, а тяжёл и плотен, удар немалый, себя отстоял.

В армии взяли его на радиосвязь. Ещё и там пытался читать книги по физике. Да где уж... Покинул...

Потом стал почитать газеты, смотреть телевизор – надо же и готовиться к жизни, которая так круговертно изменилась за два его армейских года. Кипели какие-то неформалы, какая-то общественная самодеятельность, невиданное что-то!

Вернулся из армии на третий курс университета – своего? а уже и не своего. Тот? а уже и не тот. (Хотя понимал, что среди множества наплодившихся теперь дутых вузов, вузов, да хоть и НИИ – их Университет ещё держал традиционную свою высоту.) Как будто армия вынула из души стержень живой – жажду к науке. Получал всё так же пятёрки, пятёрки, а потерял вот что: постоянное ощущение красоты в науке, когда даже прознобь берёт. Осталась уже не красота, а только возможность практического применения. Или более выгодного самоустройства, как и во всём нашем быте теперь?

А тут же бурлили в студенчестве эти разрешённые теперь самочинные общества, движения, и многих утягивало в них – потянуло и Алёшу: если можно искать для людей Справедливость – то как остаться в стороне? – это же с детства сидит в тебе святой мечтой: не жить же только для себя, но – для всех! А все структуры кругом – отяжелевшая рухлядь и так и просятся дробить их молодым размахом. И – собрания, союзы! одних разрешают, других нет, протесты, с лозунгами на улицу, теперь это можно, но тоже когда как. Много кипения на это ушло, и до драки с соседними курсантами, потом и допросы в ГБ. (Раньше – дали бы срок тут же, без звука.)

Да жизнь разнообразно потекла многими потоками. Вот появился закон, разрешено создавать кооперативы. Только открыть кооператив, получить разрешение – нельзя без мохнатой лапы. А тут – как раз те студенческие волнения, когда Толковянова таскали в ГБ, – и в университет приехал первый секретарь обкома. Разрешил задавать вопросы – Толковянов и потянулся: университет ремонтируется неэкономно, с перерасходом и пропажей средств; разрешите студенческий кооператив – мы отремонтируем лучше и дешевле. И разрешили! Кидко бросились ребята. Первая хозяйственная сётка, и работа от души, и реальный доход, – но уже катилась по стране обратная волна: душить кооперативы все вообще! И – задушили.

Да это и не кооператив – на голом месте, без начальных денег. "Кооператив" удавался тем, кто им прикрывал уже готовые, только скрытые, деньги. А тут – хоть наладили хитрые замки к металлическим дверям, или дверные звонки с разными мелодиями или даже антенны-тарелки, ловить через спутники, – так и берут их, но и не берут, не доверяют "советским" товарам, ищут, ждут заграничных.

Тем временем – унылые накатывали сведения от уцелевших прежних алёшиных однокурсников, теперь кончавших. Выпуск престижного физфака – это всегда был уверенный шаг хоть в уголочек нашей триумфальной науки, под величественные своды её мысли, в отдельную державу ведущих научно-исследовательских институтов. Но, вот, ребята искали, примерялись – и поникали: что-то случилось в Большой Науке, из неё как выпустили дух (прежде того – поджали все финансы). А ещё в большем обомлении – аспиранты. Вакантных мест? стало даже больше? – а потому что учёные оттуда уходили, уезжали. Что-то огромное рухнуло, произошёл обвал и загородил дороги, и отнимал дыхание. Пустели коридоры институтов, в лабораториях углы затягивались паутиной, на столах наслаивалась пыль.

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru

В это нельзя было поверить?.. Это был обрыв всей жизни! Оскорбление! за что??.

Алёша, понесся надлом ещё от армейских лет, - теперь был лучше подготовлен перенести хоть и этот.

Да, видно, придётся жить как-то по-новому.

А уже началась эра "купи-продай" - неслыханные "фирмы"! фирмы! угадывали, как торгануть государственным же, но в рамках ещё неопытных законов, и сразу крупно нажиться. А от этой эры - как отстать? да и жить же на что, да и квартиру надо купить, чтоб жениться (на Тане, с 5-го курса литфака).

Пытался Алёша прибиться к одной фирме, к другой, - на обочине их, на подхвате, - и какое же ощущение отвратной пустоты, неكدелья. И отдать свою жизнь в такую пустомолку, "гонять воздух", ни на что творческое уже не надеясь, - невозможно?..

Однако по нынешнему времени - невозможно иначе. И только изумляться можно было, как иные партийные чины - прежде недоступные, каменноподобные на страже "народной собственности", - вдруг перелицевались в оборотистых, поспешных, усмотрительных, где можно поживиться, и хватать, хапать взахлёб.

А ещё эти биржи, биржи отовсюду, как грибы? Первыми посещениями их Алёша был оглушён до очумления, неразборно гудела голова: брокеры, маклеры, азартные скупщики и продавцы ваучеров, бумаг, валюты, мигающие табло, быстросменчивые надписи, - и все куда-то кидаются (и ещё каждый бережёт свой портфель-дипломат - не пойдут ли потом по пятам за удачником и пришьют?) да как вообще можно так жить?

А привыкать - придётся. Компания их склотилась из трёх мысловатых друзей - ещё одного физика и ещё математика. Все - почти ровесники, сходны мысли, надежды, понятия жизни. Идей было много, но идеи - не деньги. Вот, видели, зарождаются коммерческие банки, иногда и мелкие. Ну совсем непривычное, чужеродное дело - однако отчаянно перспективное и гибкое: при прежнем жёстком государственном кредитовании никакому развитию не состояться. А мелкому банку - стать на ноги трудно, его шатает от каждого ветерка в экономике или политике. Да раньше: надо иметь немалые деньги уплатить взятку за лицензию на открытие банка. А открывшись - надо иметь начальный капитал. К счастью, нашёлся, по-теперешнему, "спонсор", помог стартовать, имея-то цели свои. Назвались сразу раскатно: "Транс-Континентальный банк". А ютились сперва в двух подвальных комнатах - и удивлённым первым клиентам объясняли: "Да это - временно, у нас в главном доме сейчас ремонт."

И вышло б дальше что? - но встретился Алёше старый его однокурсник Рашит, который потом университет бросил, но и в армии не был. Когда-то дружили. Теперь сошлись, выпили раз, выпили два - и Рашит сам вошёл в "Транс-Континентальный", а за ним стояли его земляки, - здесь, в этом городе, спаянные по землячеству, крепче обычного; землячество их освоило и в области сильные финансовые позиции, и уже впереплёт с областной администрацией, тоже искавшей новые пути. И в короткое время отгрохали семиэтажное здание, пять верхних этажей сдали в аренду, а банк поместился в двух нижних.

У Рашита были крепкие связи, у Алёши светлая голова, они дополняли друг друга, и зажили в ладу, все четверо, а доли - разные. Ступал Толковянов по неведомой почве, как первый космонавт по Луне. Но домозговался и тут: как чисто и быстро применить клиринг при распаде советских торговых связей чтоб они продолжали служить. Ну, а главное, конечно, был шанс - с постоянно прыгавшей валютой, и при правильном предчувствии это давало потрясающие прибыли. И тут тоже - оказался Алёша успешно угадчив.

А успех как покатит - то только держись, волна взносит и взносит. (Что то надо было знакомым плести: кто тебе так помог?..)

А на душе - гадко. Видно же, что вмазываешься в одно, другое, третье не вовсе чистое, а то и нечистое дело. А без этого не продвинуться. И ты же не один, член четвёрки, дело общее. Но может быть - до некоторого рубежа, а потом удастся, став на ощутимых деньгах, эту грязь с себя стряхнуть, и дальше бы - только

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru честно? получить и проявить свободу действий? Если бы удалось – начал бы тогда делать и добрые дела: первое – школьному образованию помочь; может быть, где когда поддержать бастующих рабочих, чтоб своего добились, или, наоборот, поддержать полезный заводик, чтоб не развалился, вот сушку овощей сверхвысокими частотами? Живём не одним днём, где-то пожертвуем, а где-то выиграем.

Только вряд ли когда вырваться из этих втягивающих прокрутов. По делам уже и таких грязнохватов коснулся – озноб от них.

С Таней – обсуждали не раз. Она – и советчица, и бывает вперёд твоих мыслей, и поперёк им. Ей – еще больше хотелось, чтобы – чисто. Но и она понимала, как это невозможно, как это невылазно. И не бросить же теперь всё чистолюйски и – что? кануть в нищету?

А потом ещё – отношения с властями. Проигрывая вкруговую везде и во всём, государственный аппарат сохранял только цепкость душить немислимыми, несуразными, нигде в мире не применёнными налогами, и сдавливал правилами, разбухающей документацией, – сам толкал всех в единственном направлении: обходить закон и обманывать. Так и пошли, на косых, не быть же редкими дураками. (Хотя и тут как бы хорошо: уже бы став сильно на ноги – платить государству честно: ведь в нём живём и через него живём. Но и от государства бы ждать не грабежа.)

И вот – взрыв.

Обсуждали с ребятами советно, но решать – то Алёше.

Если уж начали убивать – то и продолжат? И – кроме собственных пистолетов, ну автоматчика в банковском коридоре, – никто не прикроет, не защитит. И меньше всего – Борцы с Преступностью?.. Вон, в Элломасе – там, знал Толковянов, состоит клин не только собственно коммерсантов, но – и от этих Борцов, и от прямых криминалов, – это всё теперь переплелось неразрывно и сородственно.

А мы, в своём кругу, уж наверняка ли от них начисто убереглись?

Надёжно защититься? – только если Алёше немедленно и прямо укостылять за границу. И деньги на то – есть.

Такого – и ждали все. Весь город, кто знал, – такого и ждал, никто бы не удивился.

Но – бросить уже трёхлетнюю свою структуру? Тотчас разнесётся слух о бегстве главного банкира, вкладчики кинутся расхватывать вклады – и разлетелось всё предприятие в беспомощные дребезги. Сила банка – это сумма привлечённых средств.

Выдалось у них с Таней несколько тяжёлых вечеров.

Говорили. Молчали.

Так – и сынишку взрывом угробят?

Ещё молчали.

Вдруг Таня сказала, как будто некстати:

– Моя бабушка говорила: иглы служат пока уши, а люди пока души.

А, кажется, тут всё и было. Да ещё же: за границей, если не ставить на разбой и на контрабанду – то и не развернуться. Русские учёные? – пожалуй, там нужны. Да не мы, недоросли.

Внешне жизнь течёт, как текла. Никому не видимая борьба в душе, никому не внятное решение: остаюсь, как ни в чём не бывало!

Между тем домовый кооператив постановил: Толковянов должен за свой счёт починить обе входные двери и отремонтировать тамбур. Поскольку всё – из-за него...

Вот это – обидело: людям всего-то и дела? И – для кого же тогда стараться?

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru

В эти самые недели – одного за другим убивали и в Москве, и – видных. Кого – пулями, кого взрывом.

Каждый день и ждешь. Ещё б не жутко.

Стал носить бронежилет, ездить с автоматчиком.

А теперь же появилась и такая мода: "Награда тому, кто укажет..." Попробовать?

И дал объявление в газетах: кто укажет причастных к покушению – 10 тысяч долларов.

Не надеялся, просто так. Но, удивительно: уже через день подкинута письмо: укажу! За 11 тысяч.

Удивила – малость этой разницы. Казалась насмешкой или провокацией.

Но предложена дневная встреча – в центре города, в людном сквере.

Да не тебе ж самому! – компаньон Витя, школьный друг, он и взялся пойти. (Ещё один – следить за встречей со стороны.)

И обошлось – без подвоха. Тот – готов назвать. Но нет, не 11 тысяч, а 25.

А вот это – было уже правдоподобно. Хотя Витя высмеял: нет, только 12 с половиной. Назвать заказчиков, назвать исполнителя. И фотографии принести. (Это – понадежней.)

Тот – замялся. Замялся. Подумал – согласился.

Пока, за начало сведений – задаток. Заказчик служит в фирме Элломас. Исполнителя – не знаю. Заказчика – назову.

Расплатились.

Так Алёша и подозревал: Элломас! Но ведь кто-то постарше, из директоров.

А – дальше теперь? На совете дружков единодушно решили: дальше без Органов ничего не сделаем.

Не этично?

А по отношению к кому?

И Толковянов – позвонил Косаргину.

Да, в этом молодом человеке что-то было. Нынешняя встреча с ним отпечатлилась в Косаргине. Так вот походи угадай: был какой-то диссидентствующий долговязый студент, которого заслать бы подальше, куданибудь в Якутию, да и с концами. А вот – какой семиэтажный стеклянный отгрохал и какими делами ворочает, к нему хозяйственники льнут за поддержкой, помощи прореху в бюджете закрыть до срока. В это новое смутное проклятое время он ввинтился, как будто в нём и рождён.

А тебе, потому ли, что уже за сорок лет, и привык к порядку, – ох, не извернёшься легко, не втиснешься.

Органы!! Чту виделось вечней и неколебнее их! Что было в позднем СССР динамичней, зорче, находчивей? В андроповские годы сколько же хлынуло сюда отборных с высшим образованием! Сам Всеволод Валерьянович кончил лишь юридический, но рядом с ним там трудились и физики же, и математики, и психологи: попасть работать в КГБ было и зримым личным преимуществом, и интересом, и ощущением, что ты реально влияешь на ход страны. Это были смышленнейшие мальчишки при уже стареющих, костенеющих ветеранах. (Зато и сколько же опыта у тех.)

И вдруг всё это здание – стройней и красивей московских высотных – не рухнуло, нет, но как-то стало дыряться, проскваживаться – недоумениями, сомнениями и

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru даже утечкой дрогнувших, кто по собственному желанию, кто по сокращению штатов, кто в правление Союза Ветеранов. А кто – и в ту же коммерцию. Этих – понимали сперва как изменников Делу, а потом – завидовали им как ловкачам, удачникам, да нельзя ли успеть за ними?

Если б такое чудо – чтоб Органам вернулась прежняя Сила. Значение.

Но может ли такое случиться? Упущены моменты.

А – куда всё, всё покатится? Не хватает ума предвидеть.

Косаргин презирал этих беглецов, запретил себе им подражать. Но щели открывались всё шире, в прежнем прочнейшем здании продувало насквозь всё невозвратней. И главное – упало самосознание, потерялась Высшая Задача. И не в бегство, нет, но как выбор все-таки преимущественной позиции в вихрях нового сумасшедшего времени – Косаргин перешёл на борьбу с организованной преступностью. (Совсем уж не отозваться на зов времени? что же, остаться деревянеть чуркой, где, может быть, никогда уже и никому не понадобится?)

Так вот, этот мальчик. Удивило в нём, что не просил помощи. По старой обиде? Или собирался бежать, скрыться? – тоже вроде нет.

Впрочем, отклонил помощь не надолго. Через малые дни позвал.

А штат Косаргина – формально, вяло, но следствие открыл само собой. Теперь Косаргин опять поехал сам. Опять в тот кабинет. Только на зелёном сукне застал три-четыре разбросанных увеличенных копии столларовых бумажек, обтянутых плёнкой, – шутейные подставки?

И опять подтвердилось приятное впечатление недавней встречи с Толковяновым: какое-то простодушное деревенское лицеочертание его, а взгляд прямо в глаза, внимательный, с нахмуркой, но безо всяких метаний. И всё время тихий, ровный голос – не повысится, не разгорячится. И это – не поза, без усилия над собой, не состроено, – в обычае у него так? Каждый день могло повториться покушение – а страха не выдавал ничем.

Обсудили операцию захвата. Пара переодетых бойцов пошла в тот сквер, близ следующей встречи, – неужели тот так потерял осторожность, ничего не предусмотрел? По сигналу толковяновского друга – легко взяли.

Да, так замутился, растерялся, никакой подстраховки не имел. Ещё того неожиданней: сам-то он и оказался убийца, дальше – сам себя выдал!

Случай обнаружился – ничтожный, анекдотический. И опять-таки физик! – в цвет закруженного этого Времени. И – полный неудачник, уже два уголовных срока отсидел, оба раза выпустили прежде досидки. Жалкий-жалкий у него вид был, мзгляк. Всё ему – не удавалось, погряз в долгах, жена проклинала – и она же принесла от шурина, брата своего, предложение: убить, за 1 0 тысяч долларов, но – чтобы методом взрыва, обязательно. От безденежья, от женой грызни задыхался – и взялся, 5 тысяч вперёд, в задаток. И вот – неудача. А разозлённые заказчики – как неосмотрительно связались с размазнёй, так и мелочно потребовали с него: за неудачу вернуть не взятые пять, а вдвое десять. А тут – объявление, как и получить десять. Одурённой головой сляпал: одиннадцать, потом очнулся – двадцать пять. Вот – и фотографию шурина принёс.

Молодчики Косаргина кинулись за шурином – а уж нет его, начисто исчез. След остался, не сотрёшь: в Элломасе он и служил, но не на видном месте. А звено выпало – и ничего не докажешь. Остался в руках живой преступник, его показания, фотография ближайшего заказчика, предположения потерпевшего да соображения следствия. В таком виде и передали в суд.

Пока там текло – Толковянов дважды приезжал в Управление, опять встречались. У Косаргина было профессиональное ощущение, что всё-таки попали на жилу, и она могла бы даже и далеко повести.

Далеко?.. Уже Косаргин наталкивался: далеко – силы сверху не пустят.

Говорили по делу – стали говорить и помимо дела. Потерявши в жизни свою

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru уверенную твёрдую поступь, Косаргин потянулся понять этого успешного молодого – а через то, может быть, в чём-то перенаправиться и самому? Нет уверенности, что и сейчас не зеваешь, не пускаешь какого-то выбора.

– А не выпьем? – вдруг предложил молодому человеку, да уже и протягивая руку к шкафчику в стене.

Тот повёл головой. Согласился.

Завязался разговор между ними на прямовщину. Как в их городе переслоились скрытые силы с тяжёлой валютой, и выскочки-грязнохваты, и прямые бандиты, – и как, и вообще ли можно когда в будущем это всё искоренить? И возможно ли у нас честное предпринимательство, когда именно и только его давит государство.

Тогда – и о самом государстве. А тогда, перелилось по сообщённым сосудам, – почему и не о самих Органах? – какие они суть сегодня и какими же им быть дальше? Для себя одних только? Или, всё-таки, может и для России?

У Толковянова в разговоре была манера: на опёртых локтях составлять из десяти пальцев какие-то живые фигуры, с лёгкими перемещениями их, – как бы строил конструкцию? – помогал себе найти решение? не без напряжённости у бровей и лба. Потом переводил смыслёные, но спокойные глаза на собеседника. Ему – интересен был этот разговор, видно.

За все эти дни не проявилось в нём выражения гонимости, торопливости, испуга.

И как-то незаметно перешло, что Всеволод Валерьянович этому недавнему щенку стал сообщать свои заботы вовсе не служебные, а умозрительные: что же делать? ведь разворуют Россию до конца? и какие миллиарды уходят! (Наверно, смешновато звучало это от чуть не главного в их области Борца с Организованной Преступностью.)

А Толковянов всё это знал, но оценивал спокойно: что утекающие из России деньги всё равно через несколько лет, в следующие десятилетия, сами же к нам и вернуться, и будут вертеть наши же российские колёса.

Как это? вырубленные леса – не вернуться. И выгребанное из недр – не вернётся.

– И наворованное – останется у воров? – искренно возмущался Косаргин. Он дрожно ненавидел теперь этих хапуг. (А всокрыте – и завидовал им?..)

– Хоть и у них, – размышлял Толковянов. – А вернётся, и войдёт в нашу валовую сумму. Да, конечно, сегодняшних криминалов уже не избыть. Но всё это перестирывается в одном корыте, вместе и с иностранными инвестициями.

Нет! Такого благополучного выхода – Косаргин не мог принять никаким сердцем.

А Толковянов пытался успокаивать и дальше:

– И мозги многие-многие, хоть и не самые лучшие, тоже вернуться, не все они там пристроятся.

А видно было, как он заножён, что, вот, бегут, бегут искать на тёплой стороне. А у нас стипендия аспирантов стала теперь – 10 долларов.

А что на улицах? Эти раскормленные морды в мерседесах встретятся на перекрестке и запрут всё движение: им поговорить надо! А милиционер трусливо уходит в сторону. Как – такое видеть кадровому?

Над рюмками, когда они всё больше друг друга понимали, Косаргин обмолвился даже так:

– Алексей Иваныч. Но вот вам, человеку с научно-техническим образованием... как вам кажется: что же в этой распроклятой обстановке делать нам? Ну, вот... нам... – пояснял он, не находя решимости выговорить то слово, те буквы, а имея в виду своих прежних застрявших сослуживцев. И даже – вообще?..

Толковянов не дал себе улыбнуться, и с большой рассудительностью стал искать

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
варианты разумного поведения.

Домой Косаргин ехал мимо известного памятника Борцам Революции заострённо вскинутой скалы, из корпуса которой веером выдвигались три головы – рабочего, солдата и крестьянина. Этот памятник, от какого-то уличного острослова, во всём городе называли "Змей-Горыныч". (И правда, что-то похожее.)

И усмехнулся: как же умеют меняться времена!

Да, самые невообразимые пути: вот – Косаргин. В ихней конторе по Борьбе сидят с автоматами бритоголовые мордени, – но это не всё же их лицо? Совсем не глуп Косаргин и, кажется, у своего прежнего подопечного готов чему-то и поднаумиться? Да кто умней – не может не понимать, что одно самоустройство ничего не решает: займи ты хоть самую лучшую каюту – а если корабль тонет всё равно?

Да только: могут ли они меняться? Вспомнить его на допросах... Однако и не думать об общем деле России – никак нельзя, и нынешним гебистам тоже. Не всё – о себе. Хотя вот те фирмачи из Элломаса – у них ума только и хватает, что если б ещё и во власть пролезть, тогда их капиталы быстро учетверятся.

...Так прожили, от покушения, два месяца – и благополучно. И вкладчики верили в их "Транс-континентальный", не забирали вкладов, даже увеличивали. Приезжали из районов сельхозобработчики – и те шли к ним сюда, а не в государственный, и не в финансовое управление.

А вот что: в конце апреля, оказывается, попадала Пасха. И Таня всхлопоталась, чего раньше не было, печь куличи и красить яйца.

– Нет, – взмолился Алёша, – только не крась, пожалуйста, не могу этих красных в руки брать. Куличи ладно – только не вздумай их святить, не буду есть.

– Да почему уж так? – кольчая прядка свесилась ей на лоб. – А бабушка всегда святила, и красила. Что ж это, не наша вера?

"Наша вера"? Они не говорили так раньше, но как будто и так, – а какая ж другая?

Ну, да, может быть религия и способна вывести человека из мрачного состояния, однако при чём тут свячёные куличи?

Таня к нему – щека к щеке:

– А ты не понимаешь, что мы были обречены? Что нас спасла какая-то Высшая Сила? И вот эти месяцы бережёт – Она же?

Да, можно сказать – и так. Но есть – и теория вероятностей. И виртуальные варианты любого опыта.

Впрочем – был же и Большой Взрыв.

Есть – и Чёрные Дыры.

И – непостижимая предусмотрительность молекул ДНК.

А ещё через несколько дней был суд над убийцей. И даже Косаргин изумился: при полном сознании преступника в покушении да и всех вещественных доказательствах – осудили его не за попытку убийства, а за "незаконное хранение оружия", 4 года лагерей, и не строгого режима.

Значит, хорошо подмазано.

Вот тут Толковянов сильно встревожился.

Попросил Косаргина получить из дела, в копии, – фотографию шурина.

А она-то – вот как раз она – пропала из судебного дела бесследно. Хотя числилась в описи...

На суде имена главных директоров-заказчиков не назывались, они могли и не знать,

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru что Толковьянов знает. Но вот столкнулся с одним из них на улице в насмешку около университета, шёл посидеть на научной конференции, иногда потягивало туда, - еле заставил себя только взглядом скользнуть, а не выразить.

Бежать за границу? - конечно было спасением и жены, и сына, и себя. Но Алёша - не мог бежать.

Таню берёг, как хрупкое стекло. А бежать - не мог.

Сам себе удивлялся: каждый день ходишь в этом тяжком бронежилете, мелькает свой дежурный автоматчик, появилась и вторая квартира, для манёвра... Кого теперь не убивают? Кредиторов - по одному поводу, должников - по другому. И заморочена голова вкладами, инвестициями, отчислениями, подсчётами баланса, налогами, поддержкой предприятий, - но во всей этой напряжённой замороченности, даже на измоте сил, сохранялся внутри, в груди, - неуничтожимый стержень: хоть по случаю, по чьему-то пересказу, по прогляженной научной статье, а следить: что в физике? Достиг слух об успешных опытах группы наших ребят: радиоактивным облучением повышают октановое число бензина. Это колоссально! - уменьшится мировая потребность в нефти. Арабы узнали - тут же кинулись: закупить изобретение и задушить его. От наших - никакой поддержки, им - всё спустя рукава, лишь бы свои карманы набить. И ребята - продали.

А всё-таки - наши, русские придумали! Нет, не умерла ещё ни русская наука, ни русское умельство.

"Погоди! - говорил он мысленно кому-то. Кому-то? сильно расплывался образ, но был ненавистен и гадок. - А мы ещё поднимемся!"

Однако - нет, проглядывалось так, что не банкир Толковьянов будет русскую науку поднимать. Прочертили "валютный коридор" - не стало тех бешеных игр и прибылей. Государство допустило банкам наплодиться - но вовсе не думало их поддерживать. Напротив, надвигался регламент - на достаточность капитала, на устойчивость, на ликвидность. И стали слабые банки агонизировать. Ну, пока ещё держал рынок ценных бумаг, сколько-то обеспеченный государством. Или у кого были важные именитые клиенты - да не подслужлив был Толковьянов к этим оборотням из номенклатуры, слегка тебе кивающим извольтельно. И самое больное: в этом, кажется, тупике - начался разлад, потом и раскол с друзьями-компаньонами. Куда отлетел их недавний энтузиазм, когда они росли на дрожжах своего успеха, в дружных беседах весело ставили пивные кружки на эти столдолларовые игровые подставки? Теперь один, и другой разногласили: нет, не так искать накоплений; нет, не так расходовать. Рашит первый, затем и другой потребовали отделить свою долю, а она и была главной. Деньги соединили их - деньги и разъединили.

Эти ссоры расстраивают - хуже упадка дел. Темно на душе.

Где касается денег - нет предела ни страстям, ни мести.

Вокруг Алёши поредел кружок близких. Вся финансовая ситуация стала тьма, и не знаешь, где обнажится яма под ногами, или откуда высунется в тебя остриё. Шёл наугад: купил одно здание городского рынка; завёл два своих магазина; завёл десяток обменных валютных лавочек. А оборотных средств - не хватало, нужен ещё кредит. Где его взять? Пошёл просить у Емцова, тот покровительствовал Алёше: надо же смену растить.

Но покровительствовал всегда с весёлой развязностью:

- А, молокосос пришёл? Ну, как твои дела сосунковые?

Под семьдесят ему уже было - а всё тот же жизнелюбец, и женщин глазами не пропускал, и такой же подвижный фигурой и умом. И как он мог всё перенести? Ведь с каких высот свалился - а, по сути, кто теперь?

Никакой тупиковости Дмитрий Анисимович не видел: приняли путь - и пойдём, не робей! В стенку упрёмся? - ещё иначе повернём.

- Увязаеть? Тебя подкрепить? Ну, можно.

Но если тебе - ещё нет тридцати? И могут тебя прикончить? И отпадают друзья? И -

На изломах. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru сколько ещё нужно извилин мозговых на этот переменчивый лабиринт? И – вообще ли выбьешься?

И так – пожалел-пожалел-пожалел свою обнадёжную молодость, два первых курса физфака до армии. А может быть – надо было тогда устоять, не сворачивать? не соблазниться? Далеко-далеко виделся свет, и слабел.

А, ведь, фосфоресцировал.

1996

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://solzhenitsynaalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!